

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

М.В. Ломоносова

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ НА ИЗЛОМЕ ЭПОХ (1918–1919): ПИТИРИМ СОРОКИН И СОЦИО-БИБЛИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Статья обращает внимание читателей на переломный период истории российской социологии — период после революции 1917 г. Несмотря на крайне тяжелые, зачастую нечеловеческие условия жизни, наука в России продолжала развиваться. В статье показана история создания и основных этапов деятельности Социо-Библиологического Института (1918–1921). Особое место в Институте занимал Питирим Сорокин, с чьей деятельностью во многом связан поворот Института от библиографических исследований к социологическим. Кроме того, именно в рамках деятельности Института «Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского» возобновило свою работу, прерванную революционными потрясениями 1917 г. Отдельное внимание в статье уделено ранее не известным граням творчества и профессиональной деятельности Питирима Сорокина, в особенности его исследованиям проблем альтруизма в российский период.

Ключевые слова: история социологии, российская социология, П.А. Сорокин, социологическая теория, библиография, архивный документ.

История развития отечественной библиологии и социологии — такая постановка проблемы только на первый взгляд может показаться надуманной. Социология и библиология возникли и развивались одновременно, и во многом пути их развития были обусловлены исторической ситуацией и идеологией, поскольку обе дисциплины имеют дело с информацией.

История создания и основных этапов деятельности Социо-Библиологического Института требует специального исследования в рамках истории социологии. Развитие любой научной дисциплины, и отечественной социологии в том числе, невозможно осмыслить без детальной реконструкции истории ее становления. Казалось бы, в чем здесь проблема? Можно взять любой учебник по истории социологии и прочитать об основных этапах ее развития, представ-

Ломоносова Марина Васильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (lomonosovamv@mail.ru)

Lomonosova Marina — Candidate of Sciences (Sociology), Associated Professor, Chair of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University (lomonosovamv@mail.ru)

ленных в персоналиях и основных теоретических направлениях. Но если проанализировать учебники и научные статьи по истории российской социологии, изданные в конце прошлого века и в наши дни, то можно обнаружить не только возросшее количество фактического материала, но и существенные различия в интерпретациях и трактовках. Именно поэтому в социологии особое место занимают историко-архивные изыскания: на современном этапе развития науки исследование в рамках истории социологии, проведенное без привлечения архивных материалов, может оказаться недостаточно объективным.

Кроме того, сегодня российская социология подошла к некому символическому рубежу своего становления и развития, когда необходимо критически переосмыслить накопленные знания и реконструировать историю развития в теоретико-методологических и институциональных аспектах. Особенно важно это сделать потому, что в течение почти всего XX в. в отечественной науке существовали достаточно жесткие идеологические ограничения и запреты не только на проблематику, но на выбор теоретических основ исследований. В этом отношении в истории российской социологии существуют «белые пятна», до сих пор не описанные и не включенные в корпус социологического знания. Поэтому представляется важным и актуальным обратиться к сложному, переломному периоду истории не только российской социологии, но и всей страны — периоду после революционных событий 1917 г. Марксистский подход не позволял создать полную и объективную картину развития науки, но происходящие в последние десятилетия значительные изменения ценностных ориентаций нашего общества с неизбежностью повлекли за собой ломку старых теоретических конструкций и смену методологической парадигмы в целом. В отечественной социологии, после того как в 1980-х гг. были расшатаны марксистские схемы и концепции анализа, появилась возможность обращаться к темам и периодам, закрытым для исследователей по идеологическим причинам. Так, стоит обратиться к научному творчеству и биографии Питирима Сорокина, открывающим забытые страницы российской социологии. Сам Сорокин, характеризуя этот период истории, писал: «Тяжелые условия России не прервали целиком работы русской науки. Не прекратилась она и в области социологии. Напротив, жизнь, ставившая ежечасно “прикладные вопросы” социального бытия, усиленно стимулировала работу социологической мысли» (Сорокин 2000: 23).

Особое место в послереволюционный период научного творчества П.А. Сорокина занимает Социо-Библиологический Институт, который был основан в октябре 1918 г. в Петрограде по инициативе А.М. Ловягина и начал свою научную и практическую деятельность с декабря того же года, «развивая одновременно свою деятельность по четырем направлениям: во-первых, в смысле учета материалов по строительству новой жизни в обновленной России; во-вторых, путем выпуска изданий, предназначенных популяризовать занятия социологией; в-третьих, посредством собирания книжных богатств, имеющих отношение к социологии и к социальным наукам; в-четвертых, путем устройства публичных лекций на темы, имеющие отношение к задачам института» (Социологический и Социо-Библиологический Институт 1919: 7).

Уникальная информация о деятельности Института содержится в статье А.М. Ловягина и Э.А. Вольтера 1918 г. «Социобиблиологический Институт. Цели и задачи социологической библиологии». Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в организации деятельности Института ключевую роль играл Совет Русского Библиологического Общества (РБО), который в течение лета 1918 г. подверг «...пересмотру свои предположения об организации работ по социальной библиографии, впервые разработанные при составлении сметы на 1918 год...» (Ловягин, Вольтер 1918: 1). Совет РБО пришел к необходимости значительного расширения первоначальной программы деятельности. В качестве одного из двух наиболее значимых факторов успешной деятельности библиографа и других специалистов они выделяли доступность книги. «Библиографическое учреждение по социальным вопросам только тогда будет отвечать требованиям всех, т. е. как ученых специалистов, так и широких читающих масс, если всякое выдающееся произведение по социологии будет находиться не только на страницах издаваемого этим учреждением каталога, но и на полках его читальни», — отмечали А.М. Ловягин и А.М. Вольтер в своей статье (Ловягин, Вольтер 1918: 1). В качестве второго фактора, указывающего на необходимость расширения деятельности Института, выступает «государственная важность» поставленных задач. На этом факторе стоит подробно остановиться, т. к. именно государственная идеология во многом повлияла на как на дальнейшую судьбу Института и личные судьбы его сотрудников, так и на развитие библиологии и социологии в России на протяжении XX в. Итак, в чем же А.М. Ловягин и Э.А. Вольтер видели особую «государственную важность» деятельности Института? Во-первых, они считали, что только государство может создать крупное и эффективное с научной точки зрения библиографическое предприятие. «Частными средствами и силами может быть создана недурная справочная книга..., но не может быть создано предприятие, которое изо дня в день, год за годом, десятилетие за десятилетием, с методической точностью отмечало бы рост науки, накопление опыта у целого народа и у других народов, движение законодательства или государственного и общественного строительства во всех его деталях. Для такого предприятия требовалась бы не только государственная поддержка, оно должно было бы быть организовано, как государственное» (Ловягин, Вольтер 1918: 1–2).

По мнению основоположников Института, вопросы социальные, вопросы общественного строительства настолько важны для всего населения государства, что ни одна полезная деталь не должна быть потеряна для общественного сознания. Поэтому регистрация и популяризация всех важных социологических явлений должны были выступить в качестве главной цели учреждения, которое было спроектировано Советом Библиологического Общества. Планировалось, что работа, предпринимаемая Институтом, будет иметь очень мало общего с тем, что обычно называется библиографией. Совсем не предполагалось просто составлять списки книг и статей, сгруппированных по одним заголовкам. В документах, связанных с деятельностью института, было особо отмечено, что «работа будет вестись исключительно специалистами, умеющими критически разбираться в исполинском по величине материале и выбирать то, что действительно ценно. Наряду с регистрацией, будет происходить и популяри-

зация материала, заключающаяся в том, что о всей социологической литературе будут даваться отзывы, краткие или подробные... При библиотеке, где предполагается собрать все ценное по социальным дисциплинам, имеется в виду устраивать лекции для ознакомления с вопросами, привлекающими внимание социальных мыслителей, и для введения лиц, обращающихся в библиотеку, в понимание как простейших, так и наиболее сложных вопросов социологии. Все эти задачи ставят необходимость создания обширного Института социальной библиографии или Социо-библиологической Академии, детальный план которой приложен к настоящей записке» (Ловягин, Вольтер 1918: 2).

С приходом в Институт П.А. Сорокина, К.М. Тахтарева и Н.А. Гредескула это научное учреждение трансформировалось в сентябре 1919 г. в Социологический институт, который в 1921 г. был закрыт. С 1919 г. и вплоть до закрытия Института ведущее положение в нем занимал П.А. Сорокин. В качестве сотрудника Института он прочитал несколько публичных лекций, провел систематические курсы по социологии, а также под его влиянием Социологическое общество имени М.М. Ковалевского и Социологический институт стали центрами немарксистской социологии.

В июне 1919 г. в Институте была создана комиссия в составе П.А. Сорокина, В.Ф. Боцяновского и А.Э. Гавалоса для проведения конкретных социологических исследований. Результаты работы этой комиссии по изучению социальных последствий советского законодательства о браке и разводе были изложены Сорокиным в статье («Экономист», 1922 г., № 1), и именно эта статья вызвала гнев Ленина (Дойков 2008: 239).

Хронология деятельности П.А. Сорокина в Социо-Библиологическом Институте за первый год его существования выглядит так: на заседании 5 марта 1919 г. было решено завязать отношения с Социологическим обществом имени М.М. Ковалевского. Как отмечал Питирим Сорокин, «“Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского”, основанное тотчас после смерти последнего и едва успевшее приступить к работе, событиями 1917–1918 годов вынуждено было прервать работу. Она возобновилась в 1919 году, но в 1920 году снова прервалась, а частью перешла в основанный тогда “Социологический институт”» (Сорокин 2000: 26).

23 марта 1919 г. Совет Института постановил разработать вопрос об устройстве особых уроков для преподавателей социологии. Питирим Сорокин подготовил соответствующий проект (заслушан 22 апреля) и по рассмотрении его Коллегией Института и особой комиссией экспертов представил на утверждение Комиссариатом Народного Просвещения. Впоследствии Совет решил открыть общедоступные курсы по социологии, в том числе для преподавателей социологии в средней школе. Чтение курсов началось с 18 августа. В состав преподавателей вошли П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев, Н.А. Рожков и А.И. Буковецкий. Нужно сказать, что это был короткий период, когда социологи надеялись, что социология займет достойное место в корпусе социальных и гуманитарных наук в России после падения царского режима.

11 мая 1919 г. Сорокин вместе с А.М. Ловягиным избран в состав Коллегии Института, с 1 августа 1919 г. третьим членом коллегии вместо директора

Института Э.А. Вольтера, который еще в ноябре 1918 г. уехал в командировку в Берлинский институт социальной библиографии и не вернулся, стал К.М. Тахтарев.

Лекторами в Институте за первый год его существования были известные ученые — В.В. Водовозов, Н.А. Гредескул, Н.И. Кареев, М.Я. Лазерсон, М.А. Полиевктов, И.И. Яковкин, П.А. Сорокин, Е.В. Тарле, И.В. Чернышев, В.Ф. Боцяновский, А.А. Гизетти, Г.Е. Калинин, П.В. Мокиевский. П.А. Сорокин в качестве систематического курса прочитал «Социальную аналитику и социальную механику» (12, 17, 24, 26 июня; 1, 15, 17 июля; 3, 8, 10 августа). Н.И. Кареев прочитал курс лекций по истории революций, развитию либерализма и возникновению национальных движений в Европе (11, 17 апреля; 2, 9, 16 мая).

Именно на П.А.Сорокине держалась рецензионная работа в трех вышедших выпусках «Социо-Библиологического вестника» (в № 4–5, 1919 г, например, Сорокину принадлежит 7 из 9 рецензий), причем в 1919 г. единственным журналом, где печатался Сорокин, был именно этот журнал.

26 декабря 1919 г. было принято решение сформировать архив Института и собирать в нем воспоминания и заметки его членов при условии полной объективности и научности. Важность этого решения трудно переоценить: сохранение исторической и социальной памяти является основой для формирования мировоззренческих основ любого общества.

Основатель Института А.М. Ловягин в конце 1919 г. писал, что «...на жизни Института не могли не сказаться все те невзгоды, которые испытал в 1919 году Красный Петроград. Бедствия войны, разруха, вызванная белогвардейским набегом, недостаток топлива и освещения, расстройство путей сообщения — все это, то в большей, то в меньшей степени сказывалось на работах. Тормозилось печатание изданий Института, лекции приходилось читать в нетопленном зале, часто в абсолютной тьме....к концу года стал виден просвет. Периоду гражданской войны шел на смену период мирного революционного строительства.... Надежда на полное торжество обновленной России сопровождает Социологический Институт при вступлении во второй год существования» (Социологический и Социо-Библиологический Институт 1919: 6). Но надежды А.М. Ловягина на развитие деятельности Института не только в российском, но и в «мировом интернациональном» масштабе так и не осуществились. Поворот в исследованиях Института от библиографических к исследованиям социологическим оказался роковым в силу идеологических причин и привел к его закрытию в 1921 г., что требует специального изучения в рамках истории социологии.

С точки зрения изучения теоретического наследия Питирима Сорокина, важным является то, что именно в рамках деятельности Института он продолжил разработку концепции альтруизма, о чем свидетельствует план лекций, прочитанных им в июне 1919 г. Для того чтобы иметь возможность выявить эволюцию развития концепции альтруизма в американский период творчества ученого, приведем полный текст опубликованного плана цикла лекций, посвященных проблемам нравственности и альтруизма:

«Законы развития нравственности. Три ответа на вопрос о прогрессе человеческой нравственности: теория регресса, “шага на месте”, и теория прогресс-

са. Критерии нравственного прогресса и их условность. Объективные способы измерения нравственного совершенствования: измерение количественного и качественного роста альтруизма.

Закон количественного роста альтруизма и солидарности. Закон качественного роста альтруизма и солидарности: а) закон повышения нравственных требований, б) закон улучшения средств, посредством которых добывается от индивидов нравственное социально-необходимое поведение, в) закон роста свободы личности и падения ее подопечности.

Закон эпизодического колебания нравственного уровня и его причины. Эпохи переломов и революций, и временное падение нравственности. Его смысл и значение. Будущее нравственности» (Социологический и Социо-Библиологический Институт 1919: 34–35).

Нужно особо отметить, что эти лекции, посвященные альтруизму и прочитанные Питиримом Сорокиным в 1919 г. в Социологическом Институте, были не случайны, эта тематика прослеживается и в недавно обнаруженной в архиве рукописи статьи 1918 г., что подтверждает важность историко-архивных изысканий.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде издательства «Задруга» сохранилась рукопись Питирима Сорокина «Существует ли нравственный прогресс человечества?» (Сорокин 1918). Эта архивная находка опровергает утвердившуюся в научной литературе точку зрения о том, что в 1918 г. Сорокин, вовлеченный в водоворот политических потрясений, практически не писал и не издавал своих трудов. Действительно, после октябрьской революции 1917 г. Питирим Сорокин как активный член партии эсеров оказался в оппозиции к власти большевиков. Как депутат Учредительного собрания («самого короткого парламента» в истории человечества — его заседания продолжались всего 12 часов, причем партия эсеров получила на выборах более 40 % голосов) от Вологодского губернского округа П.А. Сорокин, лидер правых эсеров, в ноябре-декабре 1917 г. работает в Союзе защиты учредительного собрания. Открытый конфликт с большевиками привел к его аресту. Он был арестован 2 января 1918 г. и освобожден 23 февраля 1918 г., о чем свидетельствует «Список заключенных Трубецкого бастиона Петропавловской крепости», сохранившийся в архивах. После освобождения политик переезжает в Москву для работы в «Союзе возрождения России» и «Союзе защиты родины и свободы» и готовит в Великом Устюге, Вологде и Архангельске восстания по свержению коммунистической власти. Лето 1918 г. П.А. Сорокин провел в Яренском уезде, занимаясь активной агитацией среди местного населения против большевиков. Осень 1918 г. стала завершающим этапом в деятельности Сорокина-политика. Захват большевиками Вологодской губернии вынудил его снова перейти на нелегальное положение, которое через некоторое время завершилось очередным арестом. Находясь в камере смертников в Великоустюжской тюрьме, он пишет открытое письмо с отказом от членства в партии эсеров и решением отойти от политической деятельности. Возможно, что на появление этого письма повлиял и тот факт, что в революционной катастрофе погибли два его родных брата, любимые учителя и ученики, друзья и коллеги. Письмо

это было опубликовано в газете «Правда» 20 ноября 1918 г. и получило высокую оценку лидера большевиков — В.И. Ленина. В своей статье «Ценные признания Питирима Сорокина» Ленин называет его «чрезвычайно интересным «человеческим документом»», который в то же время «является крупным политическим актом». После появления этой статьи П.А. Сорокин был освобожден по «личному указанию товарища Ленина», как значится в архивах тюремной канцелярии. Сам Сорокин весьма туманно описывает этот эпизод в своей автобиографии, как, впрочем, и тот факт, что этим письмом и статьей В.И. Ленина был нанесен его политической репутации смертельный удар. Завершение политической карьеры позволило П.А. Сорокину возобновить свою деятельность на научном поприще. В конце 1918 г. он приезжает в Петроград и восстанавливается преподавателем юридического факультета университета.

Это краткое отступление, иллюстрирующее политическую деятельность Питирима Сорокина, позволяет дать объективную оценку ценности и уникальности сохранившейся в фондах РГАЛИ рукописи статьи «Существует ли нравственный прогресс человечества?». Рукопись датирована самим Сорокиным — 1 июня 1918 г., Москва. Это был период между двумя арестами, причем последний мог закончиться смертной казнью. Первый арест — почти два месяца в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Об условиях содержания заключенных членов Учредительного Собрания в январе-феврале 1918 г. красноречиво свидетельствует А.И. Шингарев* в своем Дневнике. День за днем он описывает изнуряющий (физически и нравственно) тюремный быт, завершая свои записи следующими словами: «5 января. 1918... Гуляли мы сегодня вместе, все члены Учредительного Собрания, то есть прибавились к нам Сорокин и Аргунов» (Шингарев 1918: 59–60). И вот всего спустя несколько месяцев, после освобождения из Трубецкого бастиона Питирим Сорокин написал статью, посвященную проблемам нравственного прогресса. Казалось бы, события реальной жизни должны были полностью разрушить теоретические воззрения Питирима Сорокина, к которым он пришел в своем первом фундаментальном труде «Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914). В этой работе он убедительно доказывал, что пределом эволюции является полное уничтожение кар и наград, т. е. моральная реконструкция человечества, а революции в рамках данной работы рассматриваются в качестве показателя «ранних этапов» эволюции общества и отдельных социальных институтов. Тем не менее, именно революционные потрясения 1917 г. не только не позволили Питириму Сорокину усомниться в эвристическом потенциале социологической науки,

* Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) — один из основателей кадетской партии (с 1908 г. член ЦК партии). Всероссийскую известность получил благодаря своей книге «Вымирающая деревня» (1901). Член II–IV Государственных Дум. Во Временном правительстве — министр земледелия; с 5 мая по 2 июля 1917 г. министр финансов. Арестован в ноябре 1917 г., содержался в Петропавловской крепости. 6 января 1918 г. переведен вместе с Ф.Ф. Кокоскиным в Мариинскую больницу, где они были на следующий день убиты матросами и красногвардейцами.

но послужили мощным стимулом для развития собственных оригинальных социологических теорий и концепций, ставших впоследствии классикой социологической мысли XX в. Возвращаясь к рукописи статьи «Существует ли нравственный прогресс человечества?», стоит отметить, что в 1918 г. эта статья так и не была издана, хотя она и прошла рецензирование: на рукописи стоит пометка одного из редакторов, чью подпись не удалось идентифицировать: «Нахожу статью интересной и приемлемой для напечатания во 2-м номере “Мысли”», далее содержится мнение Виктора Чернова: «Возможная статья, хотя по характеру изложения слишком «популярно-лекционная», и годилась бы более для какого-нибудь «сборника по самообразованию» (Сорокин 1918). Можно предположить, что статья Питирима Сорокина должна была войти во второй сборник литературно-художественных и публицистических произведений «Мысль», издаваемый издательством «Революционная мысль». Первый сборник увидел свет в Петрограде в 1918 г., второй так и не вышел.

Итак, чем же интересна статья Питирима Сорокина «Существует ли нравственный прогресс человечества?» Прежде всего, именно в этой статье он приступает к оформлению и разработке концепции альтруизма, которая получила свое дальнейшее развитие в поздний американский период научного творчества ученого. Сорокин начинает свою статью следующими словами: «Война и революция, с их ужасами и зверствами, снова и снова ставит на очередь вопрос: существует ли нравственный прогресс человечества?», тем самым, сразу обозначив проблемное поле своих дальнейших размышлений. И такая постановка вопроса не случайна, поскольку эволюционистская концепция, сторонником которой был Питирим Сорокин, пришла в явное противоречие не только с данными социальной науки, но и с социальной практикой, поскольку, используя ее основные принципы, невозможно было объяснить разрушение тех устоев и социальных институтов, которые казались незыблемыми и единственно необходимыми. Кроме того, именно на страницах этой статьи Питирим Сорокин говорит о количественном и качественном альтруизме, о необходимости его культивирования и распространения как на индивидуальном, межличностном уровне, так и на уровне отдельного общества и социальной группы. Завершает он свою статью следующими словами: «...подобно Галилею, мы можем сказать: “E pur si muove”^{*}, — а все-таки история вертится в сторону нравственного прогресса, а не регресса» (Сорокин 1918).

Таким образом, содержание статьи «Существует ли нравственный прогресс человечества?» (1918) и лекций, прочитанных в 1919 г., подтверждает выводы исследователей творчества Питирима Сорокина (И.А. Голосенко, А.Ю. Согомонова, В.В. Сапова, М.В. Ломоносовой) о целостности научного творчества П. Сорокина не только в силу преемственности его трудов русского и американского периодов, его видения структуры социологического знания, но также в силу неизменности интегральной сущности всех его работ. Таким образом, можно утверждать, что мировоззрение Сорокина было пронизано интегральным синтезом и на уровне сциентистских программ, и в политических взгля-

^{*} И все-таки она вертится! (ит.)

дах, и даже на уровне жизненной философии. В этом смысле принципиальное отличие между ранним (российский период) и поздним (американский период) Сорокиным заключается лишь в глобализме его теории: если он начинал довольно традиционно для социальной мысли рубежа веков, изучая конкретные социальные явления и факты, то в «гарвардский период» превратился в могущественного макросоциолога.

В 1942 г. Питирим Сорокин выступил в качестве основателя Гарвардского исследовательского центра по изучению творческого альтруизма (Harvard Research Center in Creative Altruism). Деятельность этого Центра осуществлялась при финансовой поддержке известного филантропа, лидера бизнеса и главы крупнейшей фармацевтической компании «Eli Lilly» — Элай Лилли. За время существования Центра П.А. Сорокиным и его коллегами было проведено огромное количество исследований, посвященных проблемам альтруизма, власти и политики, нравственности и морали, а все работы, опубликованные П.А. Сорокиным после 1949 г., так или иначе, связаны с деятельностью Гарвардского исследовательского центра по изучению творческого альтруизма. Но никто из исследователей его творчества не связывал начало оформления его концепции созидательного альтруизма с российским периодом творчества. Это не удивительно, поскольку в самой серьезной работе, посвященной научному творчеству ученого, вышедшей в Америке из-под пера ученика П.А. Сорокина — Барри Джонстона (Johnston 1995), российскому периоду творчества уделено лишь несколько страниц, причем сведения, указанные на этих страницах, практически полностью повторяют то, что было написано самим Сорокиным в автобиографическом романе «Долгий путь». Зато американский период охарактеризован весьма метафорично — «золотые возможности», которые П.А. Сорокин весьма успешно смог использовать для реализации своего творческого потенциала, который не мог быть раскрыт и реализован в России. Действительно, именно в Америке он написал ряд блестящих работ, которые стали классикой мировой социологии, тем не менее, нельзя умалять и значение российского периода, особенно если речь идет о работах, посвященных проблемам политики, революции, войны и нравственности, поскольку в России П.А. Сорокин был не только ученым-социологом, но и активным участником многих политических событий и социальных потрясений. Идеологические запреты, существовавшие в нашей стране на протяжении многих десятков лет, ограничивали доступ к «спехранам» библиотек и закрытым фондам многих государственных архивов, российские исследователи не имели возможности восполнить этот пробел в исследованиях научного творчества Питирима Сорокина и показать всю значимость отечественных социологических теорий и традиций для мировой науки. Но сегодня, когда имеется доступ ко всему массиву теоретического наследия социолога, можно смело утверждать, что Питирим Сорокин не только стоял у истоков многих современных социологических теорий и отраслевых социологических дисциплин, являясь русским классиком западной социологии, но ему следует отвести особое место в плеяде мыслителей, чьи труды оказали фундаментальное влияние на развитие социологии как научной дисциплины в теоретико-методологических вопросах и институциональных аспектах.

Литература

Дойков Ю.В. Сорокин Питирим. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922 гг.). Архангельск: Центр документации, 2008.

Ловягин А.М., Вольтер Э.А. Социобиблиологический Институт. Цели и задачи социологической библиологии. Петроград, 1918.

Михайловский Н.К. Литература и жизнь. Кое-что о современной беллетристике // Русское богатство. Ежемесячный литературный и научный журнал, 1899, 1, с. 76–99; 2, с. 83–100.

Сорокин П.А. Существует ли нравственный прогресс человечества? // РГАЛИ, Москва. Фонд издательства «Задруга». Ф. 608, оп. 1, ед. хр. 47., 1918.

Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000.

Социологический и Социо-Библиологический Институт. Деятельность Социо-Библиологического Института за первый год его существования и преобразование его в Социологический Институт. Петроград, 1919.

Шингарев А.И. Как это было. Дневник А.И. Шингарева. Петропавловская крепость. 27.11.17–05.01.18. М.: Издание Комитета по увековечению памяти Ф.Ф. Кошкина и А.И. Шингарева, 1918.

Johnston B.V. *Pitirim A. Sorokin: an intellectual biography*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1995.